

И.П. Павлов: ученый и власть

Н.Ю. Пивоваров¹ ✉ pivovarov.hist@gmail.com

Н.П. Шок² ✉ shok@nmt.msk.ru

¹ Российский государственный архив новейшей истории
ул. Ильинка, д. 12, подъезд 8, Москва, Россия, 103132

² Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова
Министерства здравоохранения РФ
ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, Москва, Россия, 119991

На примере анализа архивных материалов об академике И.П. Павлове авторы статьи показывают, что историко-биографические данные о ведущем ученом позволяют более полно воссоздать картину развития не только отдельной специальности, но и медицинской науки в целом. Рассмотрены взаимоотношения И.П. Павлова и руководства Советского государства, оказавшие определенное влияние на развитие отечественной науки в 1920–1930-е годы. Проанализированы причины, по которым представители государственной власти позволяли ему открыто критиковать внутреннюю и внешнюю политику СССР. В статье показаны основные черты личности И.П. Павлова, которые оказали влияние на его научные и политические взгляды. Академик И.П. Павлов был прямолинеен, свободно высказывался по самым разным вопросам, критически оценивал действительность, в том числе и решения советских властей. Однако, как полагают авторы статьи, он не ставил перед собой политических целей: его мотивы были исключительно научными. И.П. Павлов оказал значительное влияние на формирование нового облика научной медицины, основанной на предложенных им инновационных экспериментальных методиках. Ему удалось не только создать новое научное направление в медицине, но и обеспечить его развитие в первые десятилетия советской власти. Авторы статьи также отмечают, что И.П. Павлов отстаивал приоритеты отечественной науки на международном уровне. Сделан вывод о том, что изучение биографических сведений, основанное на междисциплинарном подходе, предполагающем работу с архивными материалами, может предоставить ценные данные для последующего историко-медицинского анализа.

Ключевые слова: история медицины, И.П. Павлов, история экспериментальной физиологии, большевики и фундаментальная наука

I.P. Pavlov: a scholar and authority

Nikita Yu. Pivovarov¹ ✉ pivovarov.hist@gmail.com

Nataliya P. Shok² ✉ shok@nmt.msk.ru

¹ The Russian State Archive of Contemporary History, Moscow
12 Plyinka St., entrance 8, Moscow, 103132, Russia

² I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, The Ministry of Health of the Russian Federation
8 Trubetskaya St., building 2, Moscow, 119991, Russia

Using an analysis of archival materials about academic I.P. Pavlov, the authors of the article propose that the historical and biographical information about this leading scientist can present a fuller picture not only of an individual specialization but of medical science in general. The relationship is examined between I.P. Pavlov and the leadership of the Soviet state, which had a particular influence on the development of Russian science in 1920–1930s. The reasons why government representatives allowed him to openly criticize the USSR's domestic and foreign policies are analyzed. The article reveals I.P. Pavlov's main personality traits, which influenced his scientific and political views. Academic Pavlov was forthright, and freely expressed his opinion on a variety of issues, including decisions of the Soviet authorities. However, the authors believe that he did not have political goals: his motives were purely scientific. I.P. Pavlov had a significant influence on the formation of a new concept of scientific medicine based on innovative experimental techniques suggested by him. He managed not only to create a new scientific field in medicine but also ensured its development in the first decades of Soviet power. The authors also note that I.P. Pavlov asserted national science priorities at the international level. It is concluded that studying his biographical data, based on a multidisciplinary approach and working with archival materials, can provide valuable data for future medical history analysis.

Keywords: history of medicine, I.P. Pavlov, the history of experimental psychology, the Bolsheviks and fundamental science

Академик Иван Петрович Павлов (1849–1936) стал знаковой фигурой отечественной медицины и основателем учения о высшей нервной деятельности¹. Советская историография объявила его символом науки, а все его достижения – достоянием советского народа. Идеологизированный образ ученого сложился под влиянием решений, принятых на объединенной научной сессии Академии наук и Академии медицинских наук СССР 1950 г., более известной как «павловская» сессия. В результате И.П. Павлов превратился в идеального советского ученого – неутомимого борца, работавшего на благо страны и партии.

Новый взгляд на личность и деятельность И.П. Павлова появился в годы перестройки [3, 4]. Основное внимание исследователи сфокусировали на непростой истории взаимоотношений ученого с партийным руководством. Именно тогда в литературе утвердилось мнение, что академик был непримиримым антагонистом советской власти и последовательно выступал с критикой существовавшего режима. Эта точка зрения крайне популярна в зарубежной историографии. Наиболее полно ее раскрыл в своей фундаментальной монографии профессор истории медицины Д. Тодэс, более 20 лет работавший над биографией знаменитого ученого. Самые яркие и интересные страницы в книге были посвящены советскому периоду жизни И.П. Павлова. Д. Тодэс охарактеризовал академика как «процветающего диссидента» и одного из «немногих публичных и независимых голосов» в советской политической системе [5].

Однако «диссидентский» образ Павлова, утвердившийся в современной российской и зарубежной историографии, не является исчерпывающим. Взаимоотношения ученого и советской власти можно рассматривать в контексте опыта государственного управления наукой в Советском Союзе. В этом случае мы перейдем от точки зрения их противостояния к попытке поиска точек их соприкосновения и анализа, необходимых для развития науки социально-политических условий. Для того чтобы раскрыть эту общую тему, необ-

ходимо проанализировать частные вопросы – особенности личности и мировоззрения И.П. Павлова, которые, безусловно, оказывали влияние на формирование картины мира ученого, и, конечно, его общественно-политические взгляды. И.П. Павлов обладал всеми признаками научного лидера. Он не только сыграл значительную роль в процессе формирования новых методов исследования в области влияния нервной системы на деятельность внутренних органов, но и был автором новой теории деятельности пищеварительной системы и в целом оказал влияние на формирование нового облика научной медицины на основании предложенных инновационных экспериментальных методик. Методология И.П. Павлова основывалась на понимании им организма как целостной системы. Однако он отмечал, что отсутствие научно обоснованного комплексного учения о функциях пищеварения было прежде всего связано с тем, что «представление об организме как о целой системе коренится в нас недостаточно прочно» [6, с. 418]. Он был убежден, что только эксперимент может предоставить данные, позволяющие понять «полное значение механизма болезненного процесса с начала и до конца» [6, с. 275–276]. Его интерес к проблеме установления причин заболеваний, являющихся методологической и мировоззренческой основой учения об этиологии, патогенезе, терапии и профилактике заболеваний, позволил ему обратить внимание на постоянную связь явлений и их определенное внутреннее отношение, что и повлияло на создание им своего экспериментального метода в медицине. Как утверждал И.П. Павлов, «метод держит в руках судьбу исследования», он «самая первая, основная вещь» [6, с. 25–26]. Именно эти два существенных обстоятельства – внимание к причинной связи и придание особого значения роли метода – позволили И.П. Павлову углубленно подойти к пониманию лабораторного эксперимента в медицине [2]. Он писал: «Лишь лабораторный эксперимент способен в общей картине болезни точно отличить то, что составляет значительные приемы организма и всякое возмещение утраченного... т. е. первичную порчу и дальнейшие, ею вызванные... только эксперимент переберет и оценит все ис-

¹ Более подробно о научных достижениях И.П. Павлова см.: [1, с. 195–199; 2, с. 31–70].

тинные причины болезненного состояния. Потому что он начинает с причины, которую нарочито заставляет действовать» [6, с. 275–276]. И.П. Павлов внес неоценимый вклад в развитие медицины, физиологии и патологии высшей нервной деятельности, проявил талант организатора науки. Пример И.П. Павлова поможет нам не только лучше понять особенности взаимоотношения советской науки и ученых с государственной властью, но и более полно воссоздать картину организации научных исследований в области физиологии и медицины в СССР в 1920–1930-е годы.

Источники

В ходе исследования были изучены и проанализированы новые документы. Одним из основных источников исследования стали материалы из тематического дела Политбюро ЦК ВКП(б) «Об академике И.П. Павлове», которое долгие годы хранилось в малодоступном для исследователей Архиве Президента РФ и лишь сравнительно недавно поступило в Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)². Основу этого дела составили два вида документов – выписки из постановлений высших органов партии и сопроводительные материалы – инициативные и служебные записки, справки, проекты постановлений. В деле академика Павлова сохранилось немало записок ОГПУ–НКВД, а также его письма руководителям страны. Все эти источники содержат новые факты биографии ученого, которые позволяют не только по-иному взглянуть на его взаимоотношения с большевиками, но и составить более полное представление о том, в каких условиях он работал.

Другим важным источником стали воспоминания профессора Марии Капитоновны Петровой – ближайшей ученицы и сподвижницы академика И.П. Павлова. Исследователи неоднократно обращались к этим воспоминаниям и публиковали из них отдельные отрывки, но редко анализировали

их комплексно [9–11]. Хранящиеся в РГАНИ записки М.К. Петровой, с которыми работали авторы, – это пять рукописных тетрадей-беловиков. Вероятно, с начала 1930-х годов она вела какие-то черновые записи о И.П. Павлове³, которые не сохранились. Остается открытым вопрос, планировала ли она публиковать свои записи или вела их исключительно для себя. После ее смерти в 1948 г. рукописи были переданы в ленинградскую библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне – Российская национальная библиотека). Скорее всего, эти тетради так и остались бы в фондах библиотеки, если бы не начавшееся «Ленинградское дело» – крупнейшая политическая кампания периода «позднего» сталинизма, в результате которой чистке подвергся государственный и партийный аппарат. Новый первый секретарь обкома и горкома Ленинграда В.М. Андрианов находился под постоянным давлением центра. Он искал любые факты, которые можно было бы использовать против ленинградской антипартийной группы. Так, его внимание привлекли записки М.К. Петровой. В декабре 1949 г. рукописи были изъяты и направлены в ЦК ВКП(б). В.М. Андрианов писал о том, что они будто бы готовились к печати, и спрашивал совета у Москвы, что с ними делать. Заведующий сектором науки Отдела пропаганды и агитации Ю.А. Жданов и заместитель заведующего Отдела пропаганды и агитации В.С. Кружков направили письмо В.М. Андрианова и машинописную копию воспоминаний секретарям ЦК ВКП(б) М.А. Сулову и Г.М. Маленкову с сопроводительной запиской, содержащей следующее предложение: «Учитывая, что в воспоминаниях М.К. Петровой много места уделено ее интимным отношениям с академиком Павловым, не считали бы целесообразным их публиковать»⁴. Так рукопись и машинописный экземпляр записок М.К. Петровой остались на хранении в архиве ЦК.

Как и все документы личного происхождения, записки М.К. Петровой являются весьма тенденциозным источником.

² В 1995 г. из тематического дела Политбюро ЦК сотрудниками Архива Президента РФ было опубликовано только письмо И.П. Павлова В.М. Молотову и небольшое сообщение НКВД для И.В. Сталина от 21 декабря 1934 г. [8].

³ Об этом она написала в своих воспоминаниях (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 3).

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 172. Л. 6.

Однако эти воспоминания можно отнести к агиографическому жанру, т.к. в них содержится исключительно положительный образ И.П. Павлова как ученого-мыслителя. По ходу всего текста М.К. Петрова неоднократно подчеркивает: «Ив. П. (так обозначен в записках Павлов. — *Авт.*) гениальный физиолог, самоаналитик»; «Он мог правильно увязывать не только прошлое и настоящее, но и предвидеть будущее», и т.д. В воспоминаниях содержится достаточно много личной информации, иногда интимного характера: «У меня и в мыслях не было, что Ив. П., великий физиолог, который будучи на 25 лет старше меня, мог испытывать ко мне какие-либо другие чувства, кроме дружеских, и потому охотно с ним поцеловалась. Но я тут же почувствовала страстность, вложенную им в этот поцелуй, он не был чисто дружеским. <...> Этот поцелуй раскрыл мне глаза на то, о чем я не думала и не подозревала. Любовь рождает любовь, своим поцелуем он зажег меня, так как для этого почва была подготовлена, нужна была только малейшая искра. Я полюбила Ив. П. самой настоящей любовью, чуждой всяких расчетов. <...> Он говорил: “Вы меня зажигаете, заражаете своим интересом. Жена в этом отношении мне совсем чужая. Вы — самая близкая. Она мать моих детей, Вы — мать моих дум, и нет часа в дне, когда бы я не думал о Вас. И засыпаю, и просыпаюсь я с мыслью о Вас”»⁵. Еще один фрагмент из ее мемуаров: «В этот вечер произошло наше первое сближение. С тех пор я вся находилась во власти этого человека и мечтала все время о жертве, которую хотелось мне ему принести за то счастье, которое он мне дал. Он стоил всяких жертв. Это был во всех отношениях полноценный человек, лучший образец человеческой природы. Я выходила замуж по страстной любви за молодого, красивого, умного и далеко не заурядного человека, который в свое время дал мне большое счастье, но такого цельного, такого захватывающего чувства, как с молодым Ив. П., я не испытывала с молодым мужем»⁶. Вместе

с тем воспоминания содержат ценную информацию, позволяющую раскрыть взгляды И.П. Павлова на науку и жизнь, что, в свою очередь, позволит лучше понять особенности взаимоотношений академика и руководителей советского государства и более точно воссоздать деятельность ученого как организатора медицинской науки.

И.П. Павлов:

личность и научные представления

Научная деятельность занимала практически все время выдающегося физиолога: трудно отделить Павлова-ученого от Павлова-человека. Только наиболее близкие ему люди смогли уловить основные черты его характера. Незаменимым источником для нас являются записки М.К. Петровой. По ее утверждениям, ключевой чертой академика было чувство собственного достоинства⁷. Она вспоминала: «Его правдивость, прямота, честность и страстность часто приводили его к крупнейшим столкновениям с начальником Академии. <...> Ив. П. всегда стоял на стороне справедливости, вступая часто в конфликты со своими товарищами по работе»⁸. И.П. Павлов был исключительно увлекающимся человеком, особенно если это касалось вопросов, связанных с его работой. Как вспоминала М.К. Петрова: «С самого начала, руководя работой, Ив. П. заряжал меня и вместе со мной всех работавших с ним своей страстной любовью к делу, своей кипучей энергией... Увлекаясь каким-нибудь вопросом, он умел заинтересовать им и каждого сотрудника. С юношеским задором и горящими глазами бегал он от одного сотрудника к другому, сообщая пришедшую в его голову мысль для объяснения или освещения интересовавшего его в эту минуту научного факта». При этом сам И.П. Павлов «преклонялся только перед фактами, мало считаясь с теориями, которых, как он выражался, можно выдумать очень легко, сколько угодно, а также легко и отбросить, факт же остается всегда фактом»⁹.

⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 34-35, 38. Здесь и далее цитаты из архивных документов приводятся с сохранением особенностей оригинала.

⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 40

⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 14.

⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 15.

⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 12.

Еще одной важной чертой И.П. Павлова было стремление жить, как он сам любил говорить, «на стыке контрастов»¹⁰. Наиболее ярко эта особенность отразилась в религиозных представлениях физиолога: сын священника и бывший ученик семинарии, И.П. Павлов до конца жизни оставался атеистом. По воспоминаниям М.К. Петровой, он говорил: «Человеческий ум ищет причину всего происходящего, и когда он доходит до последней причины — это есть бог. В своем стремлении искать причину всего он доходит до бога. Но сам я не верю в бога, я не верующий... Для меня рок, судьба, бог, природа — одно и то же, — называйте как хотите»¹¹. В то же время отношение к религии у академика было достаточно сложным. И.П. Павлов считал религию уделом психологически слабых людей¹², но сам любил ходить на пасхальное богослужение, объясняя, что это доставляет ему приятные контрастные переживания¹³. Христианство он называл важнейшим культурным феноменом¹⁴. Одному из своих сотрудников он рассказал, почему не работает в рождественские и пасхальные дни: «Я не верующий, но все-таки человек думающий и немного чувствующий, и я понимаю, что можно против всякой обрядности идти, считать, что это отстало, невежественно и т. д. Но против таких основных вещей в религии и истории было бы глупо восставать. Ведь праздники — рождество и воскресение — ведь это огромные исторические праздники. Они вовсе не с религией связаны. <...> Ведь речь идет о величайшем человеке из людей — Иисусе из Назарета. Наши социалисты позабывают следующее — на чем провалился

весь древний мир, хотя достиг огромного умственного успеха и в философии, и в науке, и в искусстве и т. д.? На рабстве. А кто идейно сокрушил рабство? Господин Иисус из Назарета. Это ведь он сокрушил, как же можно эту идею позабывать!! А ведь их коммунизм — это маленькая наценочка, вариация в этой идее уничтожения рабства» [12, с. 58]. Отношение к религии является прекрасной иллюстрацией того, как в И.П. Павлове долг и необходимость сочетались со стремлением дать волю чувствам.

Эти психологические противоречия видны и в его научной работе, во взглядах на медицину. Еще до революции он так описывал свое отношение к опыту над живыми существами: «Когда я приступаю к опыту, связанному с гибелью животного, я испытываю тяжелое чувство сожаления, что прерываю ликующую жизнь, что являюсь палачом живого существа. Когда я режу, разрушаю животное, я слышу в себе едкий упрек, что грубой невежественной рукой ломаю невыразимо художественный механизм. Но это переношу в интересах истины для пользы людям»¹⁵. Страстной натуре И.П. Павлова была интересна не только его узкая специализация — физиология, но и другие отрасли медицины и науки в целом, новейшие открытия и завоевания. Как отмечает Г.Х. Шингаров, исследователь наследия И.П. Павлова, методологическими принципами, выдвинутыми в начале научной деятельности, он руководствовался в течение всей своей жизни [13]. О плодотворности следования этим принципам однозначно свидетельствуют полученные им блестящие научные результаты, которые были отмечены Нобелевской премией. Большое значение в исследовании эпистемологических и методологических оснований физиологии И.П. Павлов придавал пониманию взаимоотношений фундаментальных и прикладных знаний в медицине [14]. По воспоминаниям М.К. Петровой, он был сосредоточен только на своем предмете, хотя давалось ему это тяжело. Он признавался ей: «Ничего гениального, что мне приписы-

¹⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 10.

¹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 5–6.

¹² По воспоминаниям М.К. Петровой, жена И.П. Павлова Серафима Васильевна была человеком религиозным — «ярко выраженной церковницей» и фанатиком, что было одной из главных причин частых конфликтов в семье [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 8].

¹³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 6.

¹⁴ При этом религиозно-мистические учения (в первую очередь, спиритизм), получившие в начале XX в. широкое распространение в русском обществе, И.П. Павлов не признавал и считал, что ими увлекаются люди «праздные и нервные», а само действие по общению с духами называл шарлатанством (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 17).

¹⁵ Заседание Конференции Военно-медицинской академии от 17 января 1904 г. Известия Военно-медицинской академии. 1904. Т. VIII, № 3. С. 328.

вают, во мне нет. Просто я непрестанно думаю о своем предмете, целиком сосредоточен на нем, потому и получаю положительные результаты. Всякий на моем месте поступал так же — стал бы гениальным»¹⁶.

По мнению И.П. Павлова, ученый, живущий наукой, должен приносить жертвы ради нее. Часто описываемый как человек в целом добродушный, внимательный и чуткий к чужим бедам, он становился чрезвычайно строг и даже суров во всем, что касалось профессии. Особое внимание И.П. Павлов обращал на то, как в процессе развития науки возникают альтернативные гипотезы и как они подтверждаются или опровергаются. Он ставил вопрос о доказательном значении эмпирических данных для альтернативной гипотезы. Для того чтобы эмпирические данные могли приобрести характер физиологических фактов, они должны нести определенную теоретическую нагрузку, свидетельствовать о биологическом смысле и находить подтверждение в последующих исследованиях. По воспоминаниям М.К. Петровой, однажды академик сурово отчитал сотрудника своей лаборатории, который по неосторожности сорвал один из его опытов: «Ну и сопля, настоящая русская сопля! Три месяца ждали мы этого опыта, чорт побери!!!»¹⁷ Его любовь к науке была сильнее даже чувств к любимой женщине, которые он считал лишь допингом, необходимым для занятия наукой¹⁸. Так, однажды И.П. Павлов с присущей ему страстью описывал свои чувства к М.К. Петровой, а в заключении добавил: «Так-то, моя милочка ненаглядная, а теперь показывайте ваши вчерашние протоколы опытов». И она покорно пошла за тетрадами, «свергнутая с неба на землю последними словами» [10, с. 67].

Большое значение для понимания сути общественно-политических взглядов И.П. Павлова в 1920—1930-е годы имеют особенности жизни и деятельности выдающегося ученого, сыгравшего ключевую роль в развитии советской физиологии. Они как нельзя лучше демонстрируют общие и частные моменты сложнейшей эпохи первых десятилетий боль-

шевистской власти и позволяют проанализировать сложившиеся в то время условия для развития фундаментальной науки.

И.П. Павлов и большевики

К сожалению, нам почти ничего не известно о политических убеждениях И.П. Павлова до революции. По косвенным данным, он лишь однажды изъявил желание баллотироваться в Государственную думу от партии кадетов, однако этот политический проект так и не был реализован. При этом, по воспоминаниям М.К. Петровой, И.П. Павлов был настоящим русским патриотом: «Почти все его работы выходили прежде всего на русском языке, а потом уже перепечатывались на иностранные... Пусть, говорил он неоднократно, и особенно в самое последнее время, физиология пищеварения немецкая, пусть физиология кровообращения английская. Но физиология больших полушарий — это наша русская и ничья больше. Надо было видеть, с какой гордостью он это говорил, он, этот великий гражданин своего Отечества»¹⁹.

Именно с большой любовью к России может быть связано его крайне отрицательное отношение к революции 1917 г., и особенно, к большевистскому перевороту. В годы революции и Гражданской войны он постоянно говорил о гибели Родины, негативно воспринимал любые начинания большевиков. Эта враждебность нарастала по мере усиления анархии в обществе и сокращения ресурсов для занятия наукой. К 1919 г. работа в лабораториях И.П. Павлова практически остановилась. Штат ассистентов, число собак и количество продовольствия сократились до минимума, а свой кабинет ученый использовал для выращивания картошки и других овощей²⁰. В одном из писем своему знакомому он жаловался: «Работа почти совсем прекратилась, а приближается мрачная и холодная зима. Свечей и керосина нет. Электричество подается ограниченное количество часов. Плохо, очень плохо. Когда же наступит поворот к лучшему?» [5, р. 395].

Именно в таких обстоятельствах И.П. Павлов решает использовать свои анти-

¹⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 13.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 16.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 57.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 82.

²⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 36.

большевистские настроения как форму давления на руководителей страны. В 1920 г. он направляет два письма (15 и 29 июня 1920 г.) наркому просвещения А.В. Луначарскому и управляющему делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичу, в которых просит оказать содействие в выезде из страны. В своем обращении от 29 июля 1920 г. он писал: «Я, еще очень возбужденный моею уже многолетней работой о высшем объекте физиологии — больших полушариях мозга, — по многим основаниям не имею надежды вести ее сколько-нибудь удовлетворительно. А мне так хотелось бы, и чувствую в себе к этому полную возможность, довести это исследование до конца, ранее моего конца, который уже не за горами (вступил в 8-й десяток лет). Мои основания к высылению из России приведены в прошении. Казалось бы, какое основание не уважать моей просьбы, раз мое дело как научное — именно общечеловеческое, интернациональное, а не специально русское»²¹. Эти письма можно рассматривать как вступление к переговорам, т.к. вряд ли в свои 70 лет И.П. Павлов действительно собирался покинуть страну. Однако и на Западе официальные научные структуры не стремились ему помочь. Например, в 1921 г. английский физиолог Эрнест Старлинг направил в Совет по медицинским исследованиям при Лондонском колледже запрос о предоставлении денег для поддержки И.П. Павлова и получил отказ. Члены Совета сомневались, что 72-летний академик будет способен руководить новыми исследованиями [5, р. 435].

У большевистских руководителей письма И.П. Павлова вызвали замешательство. А.В. Луначарский направил В.И. Ленину записку, в которой сообщал, что ученому дважды предлагалось покинуть Россию, и теперь интересовался, как ему поступить. В.Д. Бонч-Бруевич написал академику проникновенное письмо: «Мне стало крайне больно подумать, что Вы, гордость и слава русской науки, для того, чтобы окончить одно из Ваших замечательных исследований, должны будете покинуть нашу родину и уехать за пределы ее, чтобы там довести начатую Вами работу до конца. Я очень прошу Вас совершенно не-

медленно сообщить мне все то, в чем Вы нуждаетесь, чтобы Вашу работу довести до желаемого конца. Я убедительно прошу Вас сообщить мне, что нужно для того, чтобы чувствовать себя совершенно спокойно в Вашей нынешней деятельности, прежде чем испытывать судьбу путешествия за границу, где также не спокойно и где также неблагоприятно в смысле питания и пр. отношениях»²².

В.И. Ленин оперативно отреагировал на нужды ученого. Уже в начале июля 1921 г. он направил записку Г.Е. Зиновьеву, возглавлявшему тогда Петрсвет. В.И. Ленин выступил против высылки И.П. Павлова за границу. Он отметил, что «ученый этот представляет собою такую большую культурную ценность, что невозможно допустить насильственного удержания его в России при условии материальной необеспеченности <...> желательнее было бы, в виде исключения, предоставить ему сверхнормальный паек и вообще озаботиться о более-менее комфортабельной для него обстановке не в пример прочим». Далее Ленин в своей традиционной лукавой форме, к которой он неоднократно прибегал при переписке с соратниками, как бы советовался с Г.Е. Зиновьевым: «Я слышал, что в Петроградских домах отдыха жизнь для проживающих там налажена очень благоприятно. Нечто подобное следовало бы сделать и для профессора Павлова на его квартире»²³. Г.Е. Зиновьев, естественно, не мог игнорировать распоряжение вождя и направил его записку управляющему делами Петроградского исполкома со следующей резолюцией: «Прошу вызвать кого нужно и непременно это устроить»²⁴.

Однако бюрократическая стихия советской власти уже в то время была настолько сильна, что, даже несмотря на положительное решение В.И. Ленина и прямое указание Г.Е. Зиновьева, вопрос о материальном положении И.П. Павлова оставался открытым. Поэтому для руководителей компартии стало настоящим шоком письмо шведского Красного Креста. Большевикам предлагалось разрешить ученому эмигрировать на Запад в

²² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 9.

²³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений (ПСС). Т. 51. С. 222.

²⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 10.

²¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 8.

обмен на материальную помощь для больных Петрограда²⁵. 2 января 1921 г. В.И. Ленин написал краткую записку новому управляющему делами Совнаркома Н.П. Горбунову: «Тов. Горбунов! Снесите с Семашко и М.Н. Покровским. Дело скандальное. Надо по соглашению с обоими составить проект моего ответа и прислать мне»²⁶. Только после этого было принято широко известное историкам медицины постановление Совета народных комиссаров (СНК) от 24 января 1921 г. «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И.П. Павлова и его сотрудников»²⁷.

Для ученого постановление Совнаркома стало своеобразной охранной грамотой. И.П. Павлову были гарантированы не только право на «роскошное издание» его трудов в Советской России и за рубежом, специальный продовольственный паек, равный по калорийности двум академическим²⁸, но и обустройство его квартиры и лаборатории «максимальными удобствами». Постановление СНК было привилегией, которую предоставляла власть ученому, как бы выделяя его среди остальных.

Непростые социально-экономические условия 1920-х годов, постоянные финансовые и продовольственные кризисы создавали благоприятную почву для критики руководителей партии и государства. И.П. Павлов стремится создать благоприятные условия для своей лаборатории, и, осознав свою значимость и необходимость для руководителей страны, начинает активно выступать с критикой. Он неоднократно публично негативно отзывался о сложившейся в стране ситуации. Например, в 1929 г., выступая на праздновании 100-летия со дня рождения И.М. Сеченова, И.П. Павлов демонстративно шагнул к его огромному портрету и, как бы обращаясь к нему, заявил: «Мы живем под господством

жестокоего принципа: государство, власть — все, личность обывателя — ничто. Жизнь, свобода, достоинства, убеждение, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда — все в руках государства. Естественно, что все превращается в трепещущую рабскую массу» [5, р. 577]. В 1933 г. на встрече с коллегами-коммунистами из Всесоюзного института экспериментальной медицины, занимавшегося похожими научными проблемами, что и его Институт физиологии и патологии высшей нервной деятельности, академик неожиданно сказал следующее: «В хозяйстве России полный развал. Пока Ленин был здоров, он умел ставить вопросы (это уже большое дело), но не умел их разрешать. Только русское хамство и подхалимство создало из Ленина гения. Он был просто даже очень талантливый человек, но человек реальный. Когда сифилис развел его мозг (только русское хамство и подхалимство создали миф, что Ленин умер от склероза мозговых сосудов, — нет никакого позора в сифилисе; если молодой человек удовлетворял свою половую потребность с проститутками, то это не позор, а беда), в России началось основное безобразие»²⁹.

В середине 1930-х годов органы НКВД внимательно следили за И.П. Павловым. И.В. Сталину регулярно докладывали о высказываниях ученого, его непростых отношениях в семье (особенно со старшим сыном Всеволодом, которому власти разрешили вернуться домой из эмиграции), трудностях при общении с коллегами-коммунистами. Будучи человеком эмоциональным, И.П. Павлов остро реагировал на советские политические кампании, особенно если они касались близких ему людей. Например, после убийства С.М. Кирова и развернувшихся в стране, и особенно в Ленинграде, политических репрессий к И.П. Павлову постоянно обращались члены семей арестованных. М.К. Петрова вспоминала: «Дома его тоже поминутно осаждали разными просьбами, рисуя тяжелое положение сосланных. Ив. П. как человек впечатлительный, сильно реагирующий на все это, много за это время пережил»³⁰.

²⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 12–13.

²⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 72.

²⁷ Известия ВЦИК. 1921. 11 февраля (№ 30).

²⁸ Специальный улучшенный ежемесячный продовольственный паек был для того времени фантастическим: 70 фунтов пшеничной муки, 25 фунтов мяса, 12 фунтов рыбы, 3 фунта черной икры, 10 фунтов бобов, гороха и чечевицы, 4 фунта сыра и т.д. (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 130. Оп. 5. Д. 633. Л. 25–26.)

²⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 18 об.

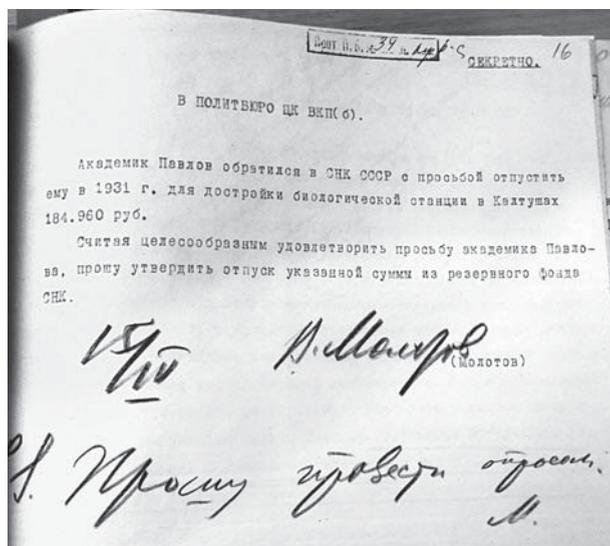
³⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 106.

В декабре 1934 г. И.П. Павлов направил свое знаменитое письмо В.М. Молотову, в котором подверг жесткой критике внутреннюю и внешнюю политику партии. Академик обвинял советскую власть в развитии мирового фашизма: «Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До вашей революции фашизма не было. <...> В ваших газетах о других странах писалось: “час настал, час пробил”, а дело постоянно кончалось лишь новым фашизмом то там, то сям». Ученого, конечно, волновал не сам по себе фашизм, а то, что происходило в стране. Он заявлял: «Во-первых, то, что вы делаете, есть, конечно, только эксперимент и путь даже грандиозный по отваге... и, как всякий эксперимент, с неизвестным пока окончательным результатом. Во-вторых, эксперимент страшно дорогой (и в этом суть дела), с уничтожением всего культурного покоя и всей культурной красоты жизни. Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Если бы нашу обывательскую действительность воспроизвести целиком, без пропусков, со всеми ежедневными подробностями, — это была бы ужасающая картина, потрясающее впечатление от которой настоящих людей едва ли бы значительно смягчилось, если рядом с ней поставить и другую нашу картину с чудесно как бы вновь вырастающими городами, днепростроями, гигантами-заводами и бесчисленными учеными и учебными заведениями. Когда первая картина заполняет мое внимание, я всего более вижу сходство нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. А у нас это называется республиками. Как это понимать? Пусть, может быть, это временно. Но надо помнить, что человеку, происшедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно причаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечно. И с другой стороны, тем, которые превращены в забытых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного человеческого достоинства. Когда я встречаюсь с новыми случаями из отрицательной полосы на-

шей жизни (а их легион), я терзаюсь ядовитым укором, что оставался и остаюсь среди нея. Не один же я так чувствую и думаю?! Пошадите же Родину и нас» [8].

Одновременно с письмом И.П. Павлов выступил с «контрреволюционной» речью перед сотрудниками Института физиологии и патологии высшей нервной деятельности, о чем сообщил в ЦК начальник 4-го отделения секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР Р.Е. Штейн: «Газеты раздули убийство Кирова в политическое событие, в котором я отказываюсь принимать какое-либо участие. Вероятно, ревность или личные взаимоотношения вызвали эту смерть. И я не понимаю, к чему эти горы трупов. Никакой защиты, никакой кассации осужденным. Убийцу царя, освободившего крестьян и сделавшего не мало хорошего, судили 50 лет тому назад судом с защитой и возможностью кассации. 17 лет мы живем под террором ГПУ, последние месяцы, казалось, это исчезло, перешли к культурным формам работы, но теперь вновь жестокость и террор. Неужели у государства нет ресурсов выявить виновника? Почетные семьи, которые я знаю, никакого отношения к политике не имеющие, вынуждены жить под постоянной угрозой и страхом. Русский человек, слабый по натуре, под влиянием этого страха начинает делать самые подлые поступки» [8].

Письмо В.М. Молотову и выступление в Физиологическом институте были смелыми поступками, продемонстрировавшими гражданскую позицию И.П. Павлова. Однако за откровенно провокационным поведением ученого часто стояли вполне рациональные действия. В первую очередь, это были попытки обратить внимание руководителей страны к ученым и обеспечить поддержку научных исследований. Практически все политические выступления академика И.П. Павлова были связаны с просьбами удовлетворить нужды института и лаборатории. Например, в 1929 г. отказ И.П. Павлова праздновать свое 80-летие (как и речь на юбилее И.М. Сеченова) был провокационным шагом. Сотрудники его лаборатории, члены партии, обратились в ЦК с просьбой выделить деньги на ремонт и переоборудование биостанции

Проект постановления Политбюро о выделении И.П. Павлову средств для биостанции в Колтушах с резолюцией В.М. Молотова 1929 г.

в Колтушах, где проводились эксперименты по определению «наследственности типов нервных систем» и проблем влияния социальной среды на выработку этих типов³¹. В итоге решением СНК И.П. Павлову было отпущено 100 тыс. руб. — сумма в то время значительная. Через год сам И.П. Павлов обратился к председателю СНК В.М. Молотову с просьбой выделить еще 184 960 тыс. руб. для биостанции³². И вновь власть пошла навстречу академику: решением Политбюро ЦК от 15 апреля 1931 г. для биостанции было выделено 184 960 руб. (см. рисунок) — случай для советской бюрократической практики беспрецедентный. Руководители партии неоднократно пытались установить личный контакт с И.П. Павловым. Как вспоминала вдова Н.И. Бухарина, впервые с этой идеей выступил В.И. Ленин. После смерти вождя с ученым попытались «подружиться» Л.Д. Троцкий и Н.И. Бухарин. Первым, кто начал общаться с И.П. Павловым, был Л.Д. Троцкий. По воспоминаниям М.К. Петровой, в конце 1924 — начале 1925 г. он направил ученому довольно лестное письмо: «Я в течение 8 лет занимался у Фрейда психоанализом и считаю, что тот путь, которым

идут психоаналитики-фрейдисты к добыванию истины, — неправилен. Я представляю себе психоаналитика, смотрящего на истину, которая находится на дне глубокого колодца, сквозь мутную воду. Он прекрасно знает, что истина находится там на дне глубокого колодца, но видеть ее не может. Вы же своим методом условных рефлексов сделали то, что подняли эту истину со дна глубокого колодца на поверхность и сделали ее доступной для всех»³³. И.П. Павлов очень гордился этим письмом, показывал его близким, но, видимо, позднее уничтожил. Более тесные отношения с физиологом сумел установить Н.И. Бухарин. Между ними в первой половине 1930-х годов завязалась настоящая дружба: они часто обменивались письмами по самым разным вопросам, бывали друг у друга в гостях.

При общении с И.П. Павловым и Л.Д. Троцкий, и Н.И. Бухарин преследовали свои интересы: они пытались вовлечь академика в политическую борьбу, превратить его в рупор своих идей. Обратим внимание на время, когда это происходило. Письмо Л.Д. Троцкого совпало с началом внутренней политической борьбы, в результате которой он потерял все свои партийные и государственные должности. 1929—1930-е годы, когда Н.И. Бухарин активизировал свои контакты с И.П. Павловым, были очередным витком внутрипартийной борьбы: в это время «правая» оппозиция (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков) выступила против растущей диктатуры И.В. Сталина. Почему же И.П. Павлов охотно шел на общение с этими политическими деятелями? Вероятно, он связывал с Л.Д. Троцким и Н.И. Бухариным надежды на смягчение режима. Возможно, академик предполагал, что такие контакты помогут ему получить материальные ресурсы для научной деятельности. Наконец, по-видимому, присутствовал и чисто человеческий фактор: И.П. Павлову было приятно подобное неформальное общение с представителями власти.

В середине 1930-х годов еще одним корреспондентом И.П. Павлова был В.М. Молотов. Между академиком и председателем СНК велась довольно тесная переписка. Но,

³¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 5.

³² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 17—18.

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 162.

в отличие от Л.Д. Троцкого и Н.И. Бухарина, В.М. Молотов не был самостоятельной политической фигурой: копии писем И.П. Павлова и свои ответы на них он направлял на согласование И.В. Сталину. На некоторых из них сохранились сопроводительные резолюции В.М. Молотова: «т. Сталину. Сегодня СНК получил новое чепуховое письмо академика Павлова. Молотов»³⁴; «т. Сталину. Это письмо акад. Павлова. Намерен ответить ему по существу. Молотов»³⁵; «т. Сталину. Направляю тебе, посланный мною Павлову ответ на его письмо. Молотов»³⁶. Догадывались ли об этом И.П. Павлов, неизвестно. Ученый ни разу не обратился с письмом к вождю, а И.В. Сталин довольно регулярно читал о нем сводки и донесения НКВД. О реакции И.В. Сталина на факты, изложенные в документах, можно судить по его резолюциям, которые в целом носят довольно спокойный характер³⁷.

В 1930-е годы И.П. Павлов и большевики пришли к своеобразному согласию. В эти годы ученый получил многочисленные привилегии, о которых не мог и мечтать до революции: каждая его просьба удовлетворялась незамедлительно. Когда И.П. Павлов обратился в СНК с просьбой предоставить ему автомобиль, ему выделили «Линкольн»; когда он пожаловался на сильный уличный шум, беспокоивший подопытных собак, улицу рядом с Институтом перепланировали; когда врач посоветовал И.П. Павлову пить импортное вино, на следующий день оно появилось на столе академика (его выписали из Финляндии)³⁸.

И.П. Павлов, получив возможность беспрепятственно заниматься научной деятельностью, практически отказался от критики большевистского режима (исключением стали его выступления после убийства

С.М. Кирова). Он активно отстаивал позиции отечественной науки и на международном уровне. В 1934 г. И.П. Павлов был глубоко возмущен ответом председателя международного комитета физиологов и лауреата Нобелевской премии А. Хилла, полученным накануне физиологического конгресса в СССР. Английский ученый заявил, что британская делегация отказывается от участия в конгрессе, т.к. Москва насильно удерживает П.А. Капицу. В ответном письме И.П. Павлов категорично заявил, что полностью поддерживает решение советского правительства по П.А. Капице. Кроме того, он напомнил А. Хиллу о нецелесообразности вмешательства во внутренние дела страны, когда речь идет о советском гражданине, тем более что все его исследования (П.А. Капица работал в атомной лаборатории Резерфорда) Англия могла использовать в военных целях против СССР³⁹.

Настоящим триумфом для И.П. Павлова стал XV Международный конгресс физиологов в 1935 г. Советская власть организовала для него настоящий бенефис. В ответ И.П. Павлов, председательствуя на конгрессе, заявил: «Я горжусь, что правительство моей могучей Родины, борясь за мир, впервые провозгласило в истории: “Ни пяди чужой земли”»⁴⁰. В агентурных сводках НКВД также отразились изменения в настояниях академика. По сведениям чекистов, ученый после конгресса говорил: «Я теперь стал больше интересоваться политикой. Стал читать газеты, которые раньше мне не давали. Нахожу в них много интересного». Читая восторженное письмо от французского физиолога Л. Лапика, участвовавшего в работе конгресса, И.П. Павлов заметил: «Вот Лапик попал в колхоз, а я так и не доехал. Беседовал лишь с колхозниками на берегу, а жаль, очень жаль». После конгресса он написал довольно трогательное письмо В.М. Молотову, в котором заявлял, что хотел бы дожить и увидеть результаты грандиозных экспериментов, проводимых властями⁴¹. Трансформация отношения к властям поражала даже людей близких и хорошо его

³⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 44.

³⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 55.

³⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 57.

³⁷ Например, есть формальные резолюции: «Читал». Есть резолюции довольно снисходительные: «Помоему, можно оставить без внимания». Последняя резолюция была поставлена на донесении, в котором описывалось высказывание И.П. Павлова о том, что В.И. Ленин умер от сифилиса.

³⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 30.

³⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 39–40.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 181. Л. 123.

⁴¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 67.

знавших. По воспоминаниям М.К. Петровой, незадолго до своей смерти И.П. Павлов стал восхищаться И.В. Сталиным: он неоднократно говорил, что «преклоняется перед его целеустремленностью, работоспособностью и силой»⁴².

И.П. Павлов всегда сосредоточивался на актуальных и знаковых для науки и общества задачах и проблемах. При этом он сумел соединить в себе высочайшую гражданственность и страстное увлечение наукой. Во всех своих делах И.П. Павлов был прямолинеен и честен, свободно и независимо высказывался по самым разным вопросам, критически оценивал существующую ситуацию, и особенно действия советских властей. Однако можно ли назвать И.П. Павлова диссидентом? Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют сделать такие выводы. Официальные документы и источники личного происхождения свидетельствуют о том, что И.П. Павлов никогда не ставил перед собой политические цели. Его мотивы были исключительно научные. Ради науки он был готов как критиковать власть, так и сотрудничать с ней. В начале 1920-х годов, когда лаборатория И.П. Павлова находилась на грани закрытия, он открыто выступил против большевиков, а в 1930-е годы, когда ученый получал все необходимое для занятий наукой, он не только прекратил критиковать советских руководителей, но и стал защищать СССР на международной арене. Наука воспринималась И.П. Павловым как акт гражданского служения. Однако он никогда не был конформистом и нещадно критиковал советских руководителей, если их действия противоречили его совести.

Деятельность академика И.П. Павлова является примером того, как авторитет выдающегося ученого влиял на управление наукой (в частности, медициной) и ее организацию в советское время. Несмотря на острейший экономический кризис 1920 — первой половины 1930-х годов, государство выделяло значительные ресурсы на развитие социальной сферы — науки, образования, здравоохранения, а ученые были особой

кастой, к которой руководители страны проявляли повышенное внимание. Конечно, И.П. Павлову было позволено намного больше, чем любому другому ученому. Советские руководители относились негативно к И.П. Павлову как к личности, но не как к организатору науки. В этом отношении показательна помета В.В. Куйбышева, которую он сделал в 1929 г. на проекте постановления при обсуждении вопроса о выделении материальных средств для биостанции в Колтушах и праздновании юбилея И.П. Павлова: «Павлов плюет на Советы, заявляет себя открытым врагом, а совласть почему-то будет его чествовать! Помочь надо, чествовать — нет»⁴³. В этой фразе («помочь надо, чествовать — нет») заключен смысл компромисса, на который шла советская власть. Опыт и знания И.П. Павлова были необходимы новому поколению советских ученых, но уникальные условия, созданные для занятий наукой, были не чем иным, как «золотой клеткой» для академика. Тем не менее И.П. Павлову удалось создать не только новое научное направление в медицине, но и обеспечить его развитие в жестких условиях первых десятилетий советской власти. С точки зрения истории медицины это два существенных обстоятельства, т.к. исследовательский интерес ученых нашей специальности сосредоточен на выявлении существенных обстоятельств развития медицины как науки, включает в себя историю возникновения и развития конкретной практики врачевания, историю научных открытий и развития медицинских специальностей, а также процессы, обеспечившие институализацию медицины и отдельных направлений медицинского образования и науки. Высказанные И.П. Павловым идеи о соотношении фундаментальных наук и медицины, его основные теоретические положения и открытия не утратили своего значения и в наши дни. Методологические принципы научного познания, которые использовал И.П. Павлов, его жизнь и деятельность остаются предметом актуальных научных исследований.

⁴² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 161.

⁴³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
2. Балалыкин Д.А. Российские научные приоритеты в исследовании физиологии и экспериментальной хирургии желудка в XIX – начале XX в. М., 2013. 224 с.
3. Самойлов В.О., Виноградов Ю.Л. Иван Павлов и Николай Бухарин: от конфликта к дружбе. Звезда. 1989; 10: 95–100.
4. Григорян Н.А. Общественно-политические взгляды И.П. Павлова. Вестник Академии наук. 1991; 10: 74–89.
5. Todes D.P. Ivan Pavlov: A Russian Life in Science. New York: Oxford University Press, 2014. 880 p.
6. Павлов И.П. Современное объединение в эксперименте главнейших сторон медицины на примере пищеварения. В кн.: Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Т. II. Кн. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 247–285.
7. Павлов И.П. Физиология пищеварения. В кн.: Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 25–26.
8. «Пошадите же Родину и нас». Протесты академика И.П. Павлова против большевистских насилий. Источник. 1995; 1(14): 139–140.
9. Григорян Н.А. Из воспоминаний об академике И.П. Павлове. Вестник Российской академии наук. 1995; 65(11): 1016–1023.
10. Петрова М.К. «Мне хочется приподнять завесу...» (публикацию подготовила Н.В. Успенская). Природа. 1999; 8: 59–72.
11. И.П. Павлов – первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. Павлов без ретуши: мемуары С.В. Павловой, А.Ф. Павлова, М.К. Петровой. Сост. и коммент. А.Д. Ноздрачева, Е.Л. Полякова, Э.А. Космачевской, Л.И. Громовой, К.Н. Зеленина. СПб., 2004. 815 с.
12. Володин Б.Г. «Боже! Ты должен принять его в рай...». Природа. 1999; 8: 49–58.
13. Шингаров Г.Х. Научное творчество И.П. Павлова. Проблемы теории и метода познания. М.: Медицина, 1985. 207 с. (С. 84–97).
14. Шингаров Г.Х. И.П. Павлов: Princeps physiologorum mundi и философ. История медицины. 2015; 2(3): 426–435.

Получено: 19.07.16

REFERENCES

1. Graham L.R. *Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze (Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union)*. Transe. from engl. Moscow: Politizdat, 1991. 480 p. [in Russian]
2. Balalykin D.A. *Rossiyskie nauchnye priority v issledovanii fiziologii i eksperimental'noy khirurgii zheludka v XIX – nachale XX v. (Russian scientific priorities in the study of physiology and experimental surgery of the stomach in the 19th to early 20th centuries)*. Moscow, 2013. 224 p. [in Russian]
3. Samoilov V.O., Vinogradov Yu.L. *Ivan Pavlov i Nikolay Bukharin: ot konflikta k druzhbe (Ivan Pavlov and Nikolai Bukharin: from conflict to friendship)*. Zvezda. (Star). 1989; 10: 95–100. [in Russian]
4. Grigoryan N.A. *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady I.P. Pavlova (The socio-political views of I.P. Pavlov)*. Vestnik Akademii nauk (Academy of Sciences Bulletin). 1991; 10: 74–89. [in Russian]
5. Todes D. P. *Ivan Pavlov: A Russian Life in Science*. New York: Oxford University Press, 2014. 880 p.
6. Pavlov I.P. *Sovremennoye ob'edinenie v eksperimente glavneyshikh storon meditsiny na primere pishchevareniya. V kn.: Pavlov I.P. Polnoe sobranie sochineniy (Modern cooperation on an experiment of the main medical branches based on the example of digestion)*. In: I.P. Pavlov. Complete works). Vol. II. Book. 2. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951. P. 247–285. [in Russian]
7. Pavlov I.P. *Fiziologiya pishchevareniya. V kn.: Pavlov I.P. Polnoe sobranie sochineniy (The physiology of digestion)*. In: I.P. Pavlov. Complete works). Vol. V. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952. P. 25–26. [in Russian]
8. “*Poshchadite zhe Rodinu i nas*”. *Protesty akademika I.P. Pavlova protiv bol'shevistskikh nasiliy (“Have mercy on us and the homeland”)*. Academic I.P. Pavlov's protests against Bolshevik violence). Istochnik. 1995; 1 (14): 139–140. [in Russian]
9. Grigoryan N.A. *Iz vospominaniy ob akademike I.P. Pavlove (From the memoirs of academic I.P. Pavlov)*. Vestnik Rossiyskoy akademii nauk (Russian Academy of Sciences Bulletin). 1995; 65 (11): 1016–1023. [in Russian]
10. Petrova M.K. “*Mne khochetsya pripodnyat' zavesu...*” (“*I want to lift the veil of ...*”). Priroda. (Nature). 1999; 8: 59–72. [in Russian]
11. *I.P. Pavlov – pervyy Nobelevskiy laureat Rossii*. Т. 2. *Pavlov bez retushi: memuary S.V. Pavlovoy, A.F. Pavlova, M.K. Petrovoy (I.P. Pavlov – the first Russian Nobel laureate. Vol. 2. Unvarnished Pavlov: memoirs of S.V. Pavlova, A.F. Pavlov, M.K. Petrova)*. Author and comments A.D. Nozdachev, E.L. Polyakov,

- Е.А. Kosmachevskaya, L.I. Gromova, K.N. Zelenin. Saint Petersburg, 2004. 815 p. [in Russian]
12. Volodin B.G. "Bozhe! Ty dolzhen prinyat' ego v ray..." ("My Lord! You should accept him into paradise..."). Priroda (Nature). 1999; 8: 49–58. [in Russian]
13. Shingarov G.H. *Nauchnoe tvorchestvo I.P. Pavlova. Problemy teorii i metoda poznaniya (The scientific work of I. P. Pavlov. Problems of theory and methods of cognition)*. Moscow: Meditsina, 1985. 207 p. [in Russian]
14. Shingarov G.H. I.P. Pavlov: *Princeps physiologorum mundi i filosof (I.P. Pavlov: Princeps physiologorum mundi and philosopher)*. Istoriya meditsiny (History of Medicine). 2015; 2 (3): 426–435. [in Russian]

Received: 19.07.16

Информация об авторах

Пивоваров Никита Юрьевич – кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива новейшей истории (Москва).

Шок Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории медицины, истории Отечества и культурологии Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова Министерства здравоохранения РФ (Москва).

About the authors

Nikita Yurievich Pivovarov – Candidate of Historical Sciences, Chief Specialist, the Russian State Archive of Contemporary History (Moscow).

Nataliya Petrovna Shok – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of the History of Medicine, National History and Culturology, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, The Ministry of Health of the Russian Federation (Moscow).